

Александр
Петров

Неофит
в потоке сознания

Александр Петров

Неофит в потоке сознания

«Автор»

2012

Петров А.

Неофит в потоке сознания / А. Петров — «Автор», 2012

В этой повести Александр Петров, как всегда мастерски, живописует отрывок жизни неофита Михаила – «простого парня», работающего телохранителем некоего бизнесмена. В его жизни ещё действует «призывающая» благодать, которая даром даётся Христом всем, кто с открытым сердцем откликнулся на Его зов. Миша знает, что это благословенное время скоро закончится, и каждую каплю благодати ему придётся добывать потом и кровью, но пока ещё «с ним Жених», а значит это время радости, время любви и чудес. Повесть наполнена воспоминаниями и размышлениями героя, переплетающимися с событиями его настоящего, и это придаёт произведению А. Петрова объёмность и глубину.

© Петров А., 2012

© Автор, 2012

Александр Петров

Неофит в потоке сознания

Когда Юрий Борисович предложил купить у него «Волгу» ГАЗ-21, я сразу дал согласие. Знакомые пытались меня отговорить:

– Мишка, ты с ума сошел! Борисыч – разгильдяй и жмот, разве может он продать машину в хорошем состоянии! Да ты разоришься на запчастях и ремонте.

Я вежливо выслушивал аргументы, но в своём решении не поколебался ни на секунду, а дело было в той неповторимой атмосфере, которая витала в просторном салоне автомобиля: уютный запах пластика и кожаной обивки сидений, высота потолка над головой (я со своей комплекцией тяжеловеса и ростом метр девяносто два помещался туда полностью и еще оставалось пространство сверху). О, эти сиденья, больше похожие на диваны в рекреации старинной гостиницы, этот руль цвета слоновой кости с волнистыми углублениями для пальцев! А обтекаемо-округлый, солидный корпус!.. Я оглаживал бронированные волны, как абрек ахалтекинца, и мне казалось, что он сочетает в себе, вроде бы несовместимое: роскошный лимузин, тяжелый танк и колосс «Родина-мать» на Мамаевом кургане... Всё это, и еще нечто совершенно неуловимое, но очень родное, домашнее, сделало этот автомобиль самым желанным с детства, когда еще мальчиком я впервые сел на упругое широкое сиденье рядом с водителем и замер, погрузившись в таинственные, очень приятные ощущения. Вопреки подозрениям моих друзей по поводу Юрия Борисовича, он поступил со мной очень уважительно. Вместе с автомобилем достался мне аварийный комплект запчастей и просьба беречь раритет и обращаться по поводу любой проблемы, связанной с машиной.

– Поймите, Михаил, – шептал он взволнованно, – «Волга» ГАЗ-21 – не просто транспортное средство, это старый надежный друг, отчий дом на колесах, крепость, наконец. Вы понимаете, почему для меня так важно передать её в надежные руки?

Да, я его понимал. Стоило мне впервые сесть за руль автомобиля, выехать на шоссе и неспешно, на малой скорости, прижимаясь к обочине, начать движение по гладкому асфальту, чувствуя себя хозяином этой машины, которая послушно выполняла мои команды, как я понял, что сроднился с ней навсегда. Обычно говорят: «На какой тачке ездешь?», «Я езжу на БээМВэ!» О, нет, я ездил не на машине, а в машине. Итак, мне нравилось ездить в моей машине, непрерывно, до головокружения вдыхать неповторимый уютный запах, чувствовать, как послушна она, как мы нравимся друг другу и как хорошо нам вдвоем, особенно во время дождя, когда по корпусу монотонно стучат капли воды и льются прозрачные струи, а тебе сухо, тепло и уютно, как дома у камина в кресле-качалке.

Часто поздним вечером я выходил из дома, открывал тяжелую дверцу, садился на сиденье-диван, запускал двигатель, прислушивался к мерному урчанию, как врач-кардиолог – к ритмичному биению сердца ветерана спорта; включал тихую музыку, выезжал на проспект под лиловый свет аргоновых фонарей и медленно двигался безо всякой цели, просто чтобы двигаться, чувствуя радужное единение с моим автомобилем, ощущая свою защищенность от ветра и дождя, холода и сырости, истерик и суеты, как в неприступной крепости, как в старинном замке, окруженном глубоким ровом, заполненным водой.

Дело, наверное, в том, что мне пришлось немало пожить в общежитиях, а так же снимая углы в частных квартирах и домах. С юности познакомился я с горечью бездомного бича, мечтательно разглядывающего светящиеся окна многоквартирных домов, где мелькают силуэты по-домашнему одетых жильцов, совершенно не понимающих своего привычного уютного счастья.

Моё детство пролетело в крохотном поселке, выросшем вокруг комбината по переработке торфа. Родители получали немного, поэтому освоили наряду с основной профессией,

еще и дополнительную: искусство гнать самогон из чего угодно. Мало кто из жителей нашего поселка доживал до старости. Большинство кончало жизненный путь, не дотянув до пенсии. Причиной тому, как я понимаю, было тупое беспросветное пожизненное рабство, от которого никуда не деться. К тому же в поселке преобладал унылый бурый цвет, что наводило гнетущее уныние. Всё там навечно пропиталось торфяной пылью: земля, дома, машины, вода в дренажных канавах, одежда и лица людей, и даже небо. В воздухе висел терпкий дымок от тлеющего торфа, который использовали в качестве бесплатного топлива для печей ввиду высокой стоимости дров. Народ здесь обреченно работал, отравлялся и спивался.

Может поэтому, когда я вернулся домой с выпускного вечера, такой возбужденный, опьяняюще взрослый, весь в радужных планах на будущее – меня на завалинке поджидал отец, окутанный едким папиросным дымом. Он молча протянул мне толстый трофейный бумажник с тисненым орлом, набитый замызганными трешками и рублями, и умоляюще-требовательно силпо крикнул:

– Беги, сын! Собирай вещи и беги отсюда, а то сдохнешь в этом болоте, как я, как мать твоя, как все мы тут. Сынок, беги, не оглядываясь; ничего не жалея, ни с кем не прощайся!

И я уехал из своего дома, из родного поселка, из детства. До сих пор отчетливо помню, как сжималось сердце, как давила на грудь свинцовая тяжесть, когда я сидел в обнимку с брезентовым рюкзаком на станции в ожидании поезда. Меня сотрясал озноб, но не от утренней прохлады, а от страха перед неизвестностью и полного одиночества. Я перебирал в памяти какие-то яркие впечатления: бабушкины оладьи, сказки на ночь и тёплые руки её; пунцовые губы и румянец на пухлой щеке девочки Тани, первый белый гриб, найденный в густом лесу; и первый удар в лицо, полученный от хулигана, на голову меня выше...

Словно ураганом унесло в прошлое уроки, экзамены, экскурсии, турнир КВН, кино в доме культуры, растекающиеся под мутной струёй самогона лица родителей и соседей, моё первое похмелье и первое обещание больше никогда не пить – в ту минуту отчаяния такие важные события вдруг, превратившись в мираж, исчезли. Из всех сил я старался остановить улетающее прочь детство, снова и снова заставлял себя вспоминать что-то еще, будто сладострастно расчёсывая заживающую рану. Однако вдали взвизгнул подъезжающий поезд, и наступил миг, когда я четко осознал, что всё это – и хорошее и плохое – безвозвратно унесло в прошлое, а впереди – только холодные рельсы, тупая морда электровоза с чередой пыльных вагонов, в один из которых я сейчас войду и лягу на верхнюю полку; а впереди – зябкий восход в серовато-розовой дымке и моё волчье одиночество.

В духоте вагона, лишь только умокли посадочные голоса и звуки, я лег на спину, и воспоминания снова окружили меня призрачными тенями прошлого. В юности, по мере возмужания, всё чаще появлялась необходимость побыть одному, чтобы подумать о смысле жизни, о будущем, о той новизне, которую приносил каждый прожитый день. Тогда уходил я в лес, забирался подальше от дорог и тропинок, ягодных и грибных мест – туда, где растет высокая трава, слегка волнуется и затягивает в зеленый пахучий омут; я падал спиной в упругие изумрудные волны и часами смотрел в лазурное небо на плывущие облака, спокойные и безучастные ко всему земному, на свободных птиц в высокой синеве, на мошкарку, выющую надо мной в луче солнца.

О, в те часы я не чувствовал одиночества, наоборот, мой мир казался перенаселённым, наподобие китайского квартала, только не суетящимися человечками, а тысячей идей, миллионом потрясающих мыслей. Впрочем, одиночество так же не обошло меня гнетущей печалью, но поджидало именно среди людей, с которыми делился мысленным богатством, а они не только не пытались понять, но смеялись и даже издевались надо мной, будто не они, а я проявлял тупость в ответ на их идеи. Были у меня два верных друга: Юрик, маленький, на голову ниже меня одноклассник, нуждавшийся в защите здоровяка; и девочка Таня, круглолицая тихоня с ласковыми глазами, пухлыми губами и носиком-пуговкой, которая первая из

женщин заговорила со мной о создании семьи, что её занимало с раннего детства и о чем она постоянно заботилась и непрестанно мечтала. Эти двое друзей могли слушать меня часами, участливо кивая, при этом каждый думал о чём-то своём, но я испытывал к ним благодарность за то, что они не отталкивали меня, не издевались, а наоборот, проявляли уважение, спрашивая, откуда всё это во мне берётся.

Однажды мы втроём вышли из школы, как всегда я развивал какую-то идею, кажется что-то насчёт созидательных следов, которые каждый человек обязан оставить после себя в этой земной жизни, например, дом, дерево, ребёнка, книгу... Как вдруг голова моя сотряслась, перед глазами поплыло, и с некоторым опозданием я ощутил тупую боль в затылке, потом – провал, а когда очнулся, вокруг мелькали ноги, надо мной пытели искаженные злобой лица парней, которые избивали моё тело сапогами, потом густое марево, наполнившее меня и всё окружающее пространство, резанул свист – и всё остановилось. Я сидел на земле, передо мной качались деревья, и плыла кирпичная стена, в стороне замер остолбеневший Юрик и как-то весьма печально смотрел на меня, будто я обманул, не оправдал его надежд, и он уже никогда не сможет рассчитывать на меня, как на защитника; а прямо передо мной сидела на корточках Таня, торопливо рылась в карманах, достала оттуда три пятака и приложила к моему лицу. Самое обидное, избили меня безо всякой причины, просто парни из банды Штопаного с утра выпили, им стало скучно, вот они и пошли туда, где собираются люди – в школу, а тут и я подвернулся. Уже вечером они «ломанули» магазин, а ночью их «повязали» в заброшенном сарае, где они обычно собирались.

Юрик после того избиения перешёл под опеку флегматичного крепыша из соседнего класса, а Таня до самого выпускного бала продолжала выслушивать меня и в перерывах бурления потока моих идей, предлагала подумать о распределении ролей в будущей семье, на что я отвечал, что по совету отца женюсь не раньше, чем отслужу в армии и закончу институт, на что она замолкала, отступая, чтобы через час-другой обратно вернуться к жгучей для неё семейной теме.

Как мог, я уважал взрослое мнение маленькой женщины Тани и, конечно, выполнил её просьбу, сделав даже не одну попытку. Несколько раз дома перед сном я пытался представить себя мужем Тани: вот мы после трудовой смены сидим за столом, оба почему-то с большими животами, я пью самогон, Таня – плодово-выгодное «красненькое», жуём котлеты с картошкой, я – лысый, в черных сатиновых трусах по колено и в линялой синей майке, она – в байковом коричневом халате, в бигудях на голове; нам уже давно не о чем говорить, поэтому всё время смотрим черно-белый телевизор, по экрану которого змеятся трескучие помехи, а я вспоминаю о тысяче нереализованных идей и миллионе рухнувших планов и молча ненавижу её за то, что она похоронила высокие мечты и погрузила нас в то мещанское болото, в котором обреченно тонули мои родители и всё взрослое население рабочего поселка. Тогда я задавал себе вопрос: имею ли я право так тупо закапывать в трясины те восхитительные идеи, те замечательные мысли, высокие, как синее небо и сверкающие, как солнце, которые сходят на меня почти непрестанно? И каждый раз засыпая, сам себе и своему будущему отвечал твёрдо: нет, это преступление!

Ранним утром на серый асфальт перрона Курского вокзала я сошел бесчувственным к собственной боли и страху, будто превратился в огромный мозоль, а откуда-то со дна души поднималась ничем не обоснованная уверенность в том, что я сумею пройти свой путь до победного конца. Потом замелькали в моей неприкаянной жизни сумасшедшие старухи, сдающие угол в грязной комнате в дощатом бараке, полупьяные физиономии друзей, лощеные лица преподавателей, туповато-важные маски вахтеров и комендантов общежитий. Почти каждую неделю я строчил родителям подробные письма о своём житье-бытье, цепляясь таким образом за прошлое, не желая терять того, чем жил, не желая становиться бездомным сиротой. Только одно письмо пришло в ответ. Отец написал, что рад за меня, что я правильно сделал, послушав

его, и удрал из болота. Я перечитывал письмо в половину тетрадного листочка, гладил пальцами, нюхал даже, вдыхая тающий запах торфа, табака, лука и сивухи, но без отвращения, а с удовольствием, как запах моего детства, моих родителей, моего дома.

Летняя сессия подходила к концу, в зачетке скопилась коллекция автографов с однообразными «зачтено» и «отлично», и я уж потихоньку собирался домой, зарабатывая деньги на разгрузке вагонов, покупая гостинцы, как вдруг однажды вахтер на входе в общежитие молча протянул мне телеграмму и опустил мутные глаза. Трижды перечитал я казенные бездушные слова на желтоватой телеграфной ленте, небрежно приклеенной к серому бланку, пока до меня дошел смысл: отчий дом вместе с родителями сгорел дотла. Вспомнился отец, который кричал мне: «Беги, сын! Беги, не оглядываясь!» Вспомнил пьяненькую мать с безумной доброй улыбкой на опухшем дряблом лице, разбитных школьных друзей, с первых классов школы знакомых с похмельем, понурых соседей с бурыми лицами, бегающих к моим деловым родителям за очередной дозой мутного напитка. На похоронах я был, как полумёртвый, меня водили под руки, наливали и совали под нос граненые стаканы с самогоном: «Дерни, Мишк, полегчает!» Но не легчало, и даже вообще не действовало, будто это была теплая вода из летней лужи.

Соседи по десятому кругу рассказывали, как после моего отъезда отец перестал ходить на работу, а только сидел в сарае у самогонного аппарата, гнал сивуху и пил, пил, не закусывая... Я знал, что в таких случаях положено плакать, а лучше рыдать и выть – но ничего такого со мной почему-то не происходило. На душе стояла мертвая тишина, в которой затухающим эхом раздавался отцовский крик: «Беги, сын!»

Раздался резкий хлопок, я невольно вздрогнул и огляделся: оказывается, сижу в машине и смотрю на тестя, который только что опять не сумел удержать дверь на тугой пружине, она вырвалась из рук и громынула на весь двор. Тесть, как и я, не любил резких звуков, мы с ним предпочитали тишину. Сегодня у них семейное торжество, годовщина свадьбы, и как всегда, теща дала нам задание проехать по магазинам, подкупить что-нибудь к праздничному столу. Алексей Иванович запаздывал, я же сидел в салоне моей «Волги», слушал ностальгическую джазовую музыку и утопал в ласкающих волнах уюта. Сутки я работал без сна и отдыха, но чувствовал себя неплохо, может, благодаря отключениям сознания на несколько минут, которые можно назвать и кратковременным сном, во всяком случае, каждый раз, когда просыпался или приходил в себя, на меня накатывал прилив сил.

С некоторых пор стал за собой замечать, как моё сознание пытается оторвать меня от насмерть прилипшей к ногам земли, воспаряет над болотистыми низинами и стремится ввысь, в бесконечное пространство, где чистые упругие потоки нагретого солнцем воздуха подхватывают и несут в неведомые, таинственные – при этом легко узнаваемые дали – генетической памяти нашего райского прошлого. Отсюда, из плавных светоносных потоков бесконечного восхождения, и вся моя жизнь, и любой миг прошлого и даже будущего – видится иначе: что-то как бы затягивается густым туманом забвенья, что-то наоборот проявляется отчетливо и ясно; и я начинаю понимать, что существуют события неважные или даже ложные, которые следует забыть, но есть и такие, от которых зависит не только твоя судьба, но судьбы множества людей – и эти дела и слова необходимо рассматривать снова и снова, пока не откроется их сакральный смысл.

В последнее время хозяин сильно нервничал. Ему сообщили, что на днях вышел на волю один из «заклятых друзей», которого он три года назад упёк за решетку. Вообще-то хозяин – мужик не робкого десятка и должен бы уж привыкнуть к непрерывным угрозам, но на этот раз видно сдали старые потрёпанные нервишки, и он испугался по-настоящему. Мы с моим напарником Владом попеременно охраняем Палыча. Был у нас третий, но недавно сбежал, и пока не подобрали замену, дежури́м «сутки через сутки», нарушая нормы Трудового Кодекса.

За три года я успел привыкнуть не только к Палычу, но и к его семье, довольно разношерстной и непростой. В круг наших с Владом обязанностей входила охрана не только хозяина, но его домочадцев и даже ближайшего окружения. Конечно, на первый взгляд, защитить такое количество людей кажется невозможным, но мы-то этим занимаемся и пока успешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.